

Бармина Валерия Эдуардовна

**Феномен женственности в культуре
Средневековья
(на материале артефактов
письменной культуры Византии и
Древней Руси VI-XVII вв.)**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Екатеринбург - 2009

Работа выполнена на кафедре культурологии ГОУ ВПО «Уральский государственный университет имени А.М. Горького»

Научный руководитель:	доктор философских наук, доцент Шумихина Людмила Аркадьевна
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Гончаров Сергей Захарович доктор философских наук, доцент Ионайтис Ольга Борисовна
Ведущая организация:	ФГОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусств»

Защита состоится 8 декабря 2009 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.286.08 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет имени А.М. Горького», по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет имени А.М. Горького».

Автореферат разослан « » ноября 2009 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор социологических наук,
профессор

Л.С. Лихачева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Сущность и специфика взаимоотношений полов в начале XXI находятся в центре общественных дискуссий. Без детального научного анализа оказывается невозможным плодотворное решение назревших проблем, с которыми столкнулась человеческая цивилизация, - кризис традиционных гендерных представлений, распространение однополых браков, снижение рождаемости и др. Очевидно, что поиски ответов на эти вызовы времени стимулируют обращение к культурному опыту предшествующих эпох, а для России – опыту Византии и русского Средневековья.

Актуальность исследований, посвященных анализу феномена женственности, определяется рядом аспектов:

1. Социокультурный аспект. Состояние транзитивности общества выдвинуло на первый план проблемы, требующие углублённого анализа механизмов конструирования и репрезентации базовых идентификационных параметров человека. В этом контексте особое значение приобретает изучение представлений о «маскулинности» и «феминности» как социокультурно обусловленных понятиях, оказывающих существенное влияние на поведение людей. Исследование женского миропонимания, проживания и переживания жизни позволяет увидеть систему связей и соотношений женского и мужского экзистенциального опытов в развитии культуры, что дает глубокие основания для обращения к анализу социокультурной динамики формирования образа женственности.

2. Историко-культурный аспект. Адекватное понимание происходящих в России процессов должно учитывать закономерности гендерного поведения в ретроспективном плане. Исследование же проблемы присутствия и репрезентации феминности в культуре Средневековья обогащает представление об общем для женщин и мужчин процессе историко-культурного развития, а также о настоящем и возможном будущем.

3. Культурантропологический аспект. Изучение особенностей конструирования и репрезентации женственности в культуре традиционного общества способствует раскрытию гетерогенного

характера культуры современности. Мультикультурность российского социума убедительно свидетельствует о том, что этноконфессиональные нормы оказывают реальное воздействие на брачный выбор и повседневные культурные практики женщин и мужчин, а это позволяет сделать вывод: женственность как феномен культуры – не только предмет академического интереса культурологов, но и фактор, влияющий на социокультурные процессы через различные институциональные образования социума.

Степень научной разработанности проблемы. Женщины и феномен женственности находятся в фокусе исследований широкого спектра социально-гуманитарных дисциплин. Выявление особенностей категории «пол» осуществлено в демографии (В. М. Медков) и сексологии (И. С. Кон). Лингвокультурологическая характеристика концепта «феминность» дана в работах А. В. Кирилиной и Т. В. Цивьян.

Осмысление своеобразия женственности с позиций психологии предпринято в трудах Г. Б. Бедненко, С. Бем, О. Вейнингера, Р. Джонсона, И. Жеребкиной, Е. Ивановой, Д. Майерса, А. Менегетти, Г. Хофстеда, З. Фрейда, Б. Фридан, К. Хорни, К. Г. Юнга и др.

Социологическая интерпретация феномена женственности нашла своё отражение в исследованиях Р. Бейлса, Э. Гидденса, Р. У. Коннелла, О. Конта, Ж. Липовецкого, Т. Парсонса, Н. Смелзера, И. Н. Тартаковской, Э. Фромма и др.

Богословская трактовка сущности и специфики женственности содержится в сочинениях о. С. Н. Булгакова, П. Н. Евдокимова, прот. Иоанна Мейендорфа, А. И. Осипова, прот. Г. Флоровского и др.

В религиоведении плодотворно изучены образы женственности в христианстве (Г. Гече, Э. Дин, Е. Косевич, В. Э. Семёнова).

Специфика темы потребовала обращения к истории православия в Средние века (работы А. В. Карташёва, А. П. Лебедева, А. М. Сахарова, А. А. Зимина, М. Э. Поснова, С. Рансимена, О. М. Рапова, А. П. Рудакова, Б. А. Рыбакова, В. Н. Топорова, Г. П. Федотова, Ф. И. Успенского, А. С. Хорошева и др.).

Место и роль женщины в православии определялись на основе исследований А. И. Евстратовой, А. В. Медведева, М. П. Но-

викова, Г. А. Носова, Д. В. Пивоварова, Л. В. Солоненко, Р. Тафта, Д. Л. Хаксли и др.

В своих рассуждениях автор опирался на фундаментальные труды медиевистов (М. М. Бахтин, А. Я. Гуревич, Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф, Й. Хёйзинга и др.), формирующие целостное представление о средневековой культурно-исторической реальности.

Византийская культура является объектом специального рассмотрения в работах отечественных (С. С. Аверинцев, В. В. Бычков, А. П. Каждан, Г. Л. Курбатов, Т. В. Куш, Г. Г. Литаврин, Я. Н. Любарский, Н. В. Пигулевская, М. А. Поляковская, Т. В. Попова, В. П. Степаненко, З. В. Удальцова, А. А. Чекалова и др.) и зарубежных (А. Гийу, Ш. Диль, Т. Т. Райс и др.) учёных.

Особенности древнерусской культуры, византийского влияния на нее и тенденций ее развития глубоко проанализированы в исследованиях С. З. Гончарова, О. Б. Ионайтис, А. И. Клибанова, И. В. Кондакова, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, А. М. Панченко, Б. А. Романова, Б. А. Рыбакова, В. Н. Топорова, Б. У. Успенского, Г. П. Федотова, Л. А. Шумихиной и др.

Проблема правового статуса женщин в Византии и Древней Руси изучалась М. Ф. Владимирским-Будановым, Е. Э. Липшиц, И. П. Медведевым, Я. Н. Щаповым, С. В. Юшковым и др.

Важнейшее значение для изучения женственности имеют работы представителей «первой» (А. Адамс, Ф. Райт, Э. Стэнтон, М. Уоллстонкрафт и др.), «второй» (С. де Бовуар, К. Дельфи, К. Миллет, С. Фарстоун и др.) и «третьей» (Л. Ирригарей, Ю. Кристева, Х. Сиксу и др.) «волн» феминизма.

Основываясь на феминистическом подходе, разрабатывают различные сюжеты «женской истории» Древности и Средневековья Е. Вардиман, Т. Н. Джаксон, О. В. Дмитриева, И. А. Краснова, Г. А. Попова, М. В. Тендрякова и др.

Гендерологический анализ феминности/маскулинности произведён в работах зарубежных (Дж. Батлер, С. Бем, Д. Келли, Г. Рубин, Дж. Скотт, Н. Чодороу, Дж. Хубер и др.) и отечественных (Г. А. Брандт, О. А. Воронина, С. Жеребкин, И. А. Жеребкина, Е. Здравомыслова, Т. А. Клименкова, Н. Л. Пушкарева, Л. П. Репина, Л. Л.

Рыбцова, Т. А. Рябова, А. Темкина, А. Усманова, О. В. Шабурова, Н. С. Юлина и др.) учёных.

Следует учитывать, что ряд авторов (Б. В. Емельянов, С. А. Ушакин, Ю. Л. Халтурин, О. С. Хоробрых и др.) справедливо указывают на своего рода расплывчатость, бессодержательность, симулятивность употребления понятия «гендер» в контексте русской исследовательской терминологии.

В рамках гендерной истории рассматривают социокультурные аспекты положения женщин в античном и средневековом обществе Е. Ю. Арнаутова, Л. Винничук, М. М. Винокурова, Г. С. Зеленина, К. Ледюк, П. Шмит Пантель, Я. Томас, Л. Н. Чернова и др.

Культурологическое освоение феномена женственности первоначально происходило в русле философии пола и философии культуры. Философская рефлексия этого явления была предпринята в трудах античных (Аристотель, Платон) и средневековых (Аврелий Августин, Максим Исповедник) мыслителей. Значительный вклад в понимание особенностей феминности в ее сравнении с маскулинностью внесли западные философы Нового (Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Ф. Ницше, Г. Зиммель и др.) и Новейшего (Ж. Бодрийяр, М. Фуко) времени.

Оригинальная интерпретация женственности была осуществлена в отечественной философии второй половины XIX – начала XX вв. (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. И. Иванов, В. В. Розанов, В. С. Соловьев и др.): она понималась как «Вечная женственность», как София, как одна из сущностных характеристик православия. Истории русской философии женственности посвящена монография О. В. Рябова.

Культурантропологические изыскания (Ф. Боас, Е. Гапова, К. К. М. Клакхон, М. Мид, П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова и др.) раскрывают генезис универсалии «женское/мужское» и последствия этой «асимметрии».

К историко-культурологическому рассмотрению феномена женственности в византийском обществе обращались П. В. Безобразов, Ж. Дагрон, Ш. Диль, Ж. Бэком, К. П. Киррис, А. М. Талбот и Р. Фосье, в древнерусском обществе – В. Н. Кардопольцева, Н. Л. Пушкарева, Б. А. Романов и др.

Среди имеющейся литературы выделяются монографические исследования феномена феминности – философско-культурологические (И. Богин, Г. А. Брандт, В. Н. Кардопольцева), литературоведческое (Ф. И. Буслаев) и социологическое (Ж. Липовецкий).

Однако в современной культурологии отсутствует обобщенное исследование, посвящённое особенностям конструирования и презентации феминности в русской культуре Средневековья и осмыслению эволюции этого процесса в результате взаимодействия византийской и древнерусской культур. Это обусловило выбор объекта и предмета данного исследования, определило его цель и задачи.

Объект исследования - письменные артефакты культуры Византии и Древней Руси, отражающие отношение к женщине и содержащие информацию об образе женственности в эпоху Средневековья.

Предмет исследования - представления о женственности (феминности) и их репрезентация в культуре Византии и Древней Руси.

Цель диссертационного исследования - реконструировать представления о женственности в эпоху Средневековья на материале письменной культуры Византии и Древней Руси.

Для достижения поставленной цели необходимо последовательное решение ряда исследовательских задач:

1. охарактеризовать теоретико-методологические основы изучения феномена женственности в истории культуры;
2. выявить и исследовать источники, имеющие наибольшую информационную ценность для реконструкции образа женственности и ее восприятия в византийском и древнерусском социумах;
3. определить правовые рамки границ допустимого и девиантного поведения женщин в Византии и Древней Руси;
4. реконструировать на основе данных источников восточнохристианскую идеальную модель женственности;
5. дать культурологическую интерпретацию антиидеала женщины, присущего культуре Византии и Древней Руси;

б. показать элементы византийской традиции, присутствующие в гендерной культуре русского средневекового социума.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом, который в академической литературе обозначается как время существования Византийской империи (VI-XV вв.) и Древней Руси (IX-XVII вв.).

Теоретико-методологическую основу исследования составили междисциплинарный и культурологический подходы, принципы детерминизма и исторической преемственности. Использование феминистического подхода обеспечило выявление «скрытых» женских граней культуры. Гендерологический подход позволил рассмотреть технологии конструирования и воспроизводства гендерных представлений, присущих средневековой культуре. Культурантропологический подход способствовал раскрытию характера связи строения и поведения человека с его культурной средой, влияния культуры на половой диморфизм, семью и брак, любовь как феномен культуры Средневековья. Феноменологическая редукция и рефлексия дали возможность представить мужественность/женственность в пространстве культуры традиционного общества. На основе нормативного, идеально-типологического, культурно-исторического и кросс-культурного подходов проводилась реконструкция эволюции представлений о феминности в культуре Византии и Древней Руси. Большую значимость в решении практически всех задач имели герменевтический подход и семиотическая методология исследования.

Источниковую базу диссертационной работы составили Священное Писание и Священное Предание православной традиции, памятники канонического и светского права, а также произведения религиозной и светской литературы, летописи, исторические хроники и другие письменные артефакты культуры Византии и Древней Руси.

Положения, выносимые на защиту

1. Теоретические принципы и методологические основания исследования феномена женственности в средневековой культуре строятся на ряде базисных положений: а) исходной посылкой культурологического анализа, проводимого в гендерологическом ключе,

является признание равнозначности роли женского и мужского полов в формировании и развитии культуры; б) культурный процесс протекает как полилог. В силу демографических, исторических и социокультурных причин ведущий голос в этом полилоге в период Средневековья принадлежал мужчине, и именно мужской взгляд становился доминирующим при восприятии и репрезентации феминности в культуре Византии и Древней Руси; в) основы гендерной модели культуры создаются на базе определенной системы морально-этических представлений. Интериоризуясь, они приобретают фундаментальное значение для формирования внутренних духовных регулятивов поведения, самоидентификации и самопрезентации личности/группы в историко-культурном пространстве эпохи; г) методология, предложенная Дж. Скотт, нацеливает на всесторонний анализ явных и латентных гендерных представлений различных субъектов культуры. Её применение способствует плодотворному теоретическому осмыслению феномена женственности и его репрезентации в культуре Средневековья.

2. Изучение восточнохристианской традиции восприятия и интерпретации феномена женственности предполагает обращение не только к религиозным нарративам, как наиболее информативным источникам, но и к памятникам правовой мысли, литературным, философским и историческим текстам. Использование всех групп источников, представленных в диссертационном исследовании, позволяет провести анализ феномена женственности в культуре Византии и Древней Руси в соответствии с главными линиями отношений – «женщина - мужчина», «женщина - Бог» и «женщина – ребенок». Специфика методики работы с корпусом источников заключается в выделении гендерных стереотипов, присутствующих в общественном сознании.

3. Феминный аспект культуры Византии и Древней Руси чётко выражен в одобряемых и порицаемых траекториях поведения женщин. Представления о них формировались под влиянием норм культуры повседневности и христианской морали, проникновение которой в народную среду обеспечивалось посредством канонического, церковного и светского законодательства. В связи с этим особое значение приобретает анализ правовых границ самореализа-

ции и самопрезентации женщины в традиционном обществе как неких внешних регулятивов.

4. Средневековое представление о женщине и женственности характеризуется полярностью оценок. При этом набор положительных черт всегда оттеняется набором отрицательных: параллельно существуют два варианта видения женщины в культуре, которые диалектически дополняют друг друга. В восточно-христианском культурном ареале выделяются контраверзные модели презентации и репрезентации женщины, условно обозначаемые как идеал и антиидеал. Под идеалом понимается «образец, нечто возвышенное, совершенное, благое и прекрасное, высшая цель стремления» (Д. В. Пивоваров). Антиидеал, как и идеал, характеризуется транслируемостью и устойчивостью, но он несет в себе не позитивный, а негативный заряд. Если идеал включает наиболее ценные для культуры средневекового общества качества женщины, то антиидеал напротив создает некий «перевертыш». В итоге, идеал и антиидеал задают спектр возможностей презентации и самореализации женщины в культуре. Это своеобразные морально-этические ориентиры поведения женщины и представлений о женственности в социуме. Таким образом, идеал и антиидеал служили определенными матрицами восприятия женской субъектности в патриархальной культуре.

5. Генезис древнерусских представлений о женственности обусловлен синкретизмом восточнославянских языческих моделей восприятия и христианской картины мира, восходящей к культуре Римейской державы. Сопоставительный анализ всех видов источников, использованных в работе, показывает, что византийский пласт в презентации и репрезентации женственности в русской культуре нашёл своё отражение в религиозных и светских памятниках письменности. Благодаря этому, были выделены как византийские, так и собственно русские модели восприятия и реализации женщины в культуре.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

1. На основе применения феминистической и гендерной методологии в изучении средневековой культуры проведен анализ

принципов и теоретических оснований исследования феномена женственности в культуре Византии и Древней Руси;

2. По результатам анализа артефактов письменной культуры Византии и Древней Руси выделены сущностные характеристики феномена феминности в период Средневековья, что позволило реконструировать две контраверзные модели восприятия женщины и женственности в культуре – идеал и антиидеал;

3. Выявлена важная роль канонического и светского права в репрезентации моделей феминности в культуре Византии и Древней Руси;

4. На основании письменных артефактов реконструирована идеальная модель женственности, присущая православию;

5. Выделены сущностные черты и дана культурологическая интерпретация византийского и древнерусского женского антиидеала;

6. Показано влияние византийского представления о женственности на формирование феминного аспекта культуры средневековой Руси.

Научно-практическая значимость работы.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что разработаны концептуальные основания культурологической реконструкции феминного аспекта культуры Византии и средневековой Руси, что обогащает научные представления об эволюции историко-культурного процесса в прошлом и его тенденций в настоящем и будущем.

Результаты исследования могут быть использованы в базисных учебных курсах «Культурология», «История культуры России», «История религии», а также при составлении учебных и методических пособий по дисциплинам «Феминология» и «Гендерология».

Апробация результатов исследования.

Теоретические положения, практические результаты и выводы, содержащиеся в диссертационном исследовании, нашли своё отражение: в выступлениях автора на международных, всероссийских и региональных конференциях в Екатеринбурге (1995; 1999; 2006; 2007; 2008), Санкт-Петербурге (2008), Тюмени (2008), а также

в преподавании истории средних веков в Уральском государственном педагогическом университете и истории культуры в гимназии № 47 г. Екатеринбурга.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры культурологии Уральского государственного университета имени А.М. Горького и рекомендована к защите.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения и списка литературы. Содержание работы изложено на 131 странице, библиография насчитывает 216 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, освещается степень ее разработанности, определяется объект, предмет и научная новизна исследования; формулируются цель и задачи, определившие общую направленность настоящего исследования; обосновывается структура диссертации.

В **первой главе «Женственность как феномен культуры Византии и Древней Руси: теоретико-методологические основы и источники исследования»** охарактеризованы важнейшие методологические подходы в изучении средневековой феминности и очерчен круг письменных источников, содержащих представления о женщине и женственности.

В **первом параграфе «Теоретические основания методологических подходов в изучении средневековой феминности»** обосновывается выбор из ряда методологических подходов, принятых в современном социально-гуманитарном познании к изучению феномена феминности, эвристически ценных для проведения данного исследования.

Проведенный автором анализ религиоведческих работ, посвящённых интерпретации женских образов Библии, убедительно демонстрирует эффективность применения этого подхода к изучению сакральных текстов.

Автор доказывает, что особое значение для изучения представлений о маскулинности и феминности в культуре, в том числе –

культуре Средневековья, имеет подход, выраженный в концепциях французского постмодернизма. Согласно Л. Ирригарей, Х. Сиксу, Ю. Кристевой, характеристики мужского и женского не являются соответствующими друг другу, взаимодополняющими, коррелятивными, как это представляется на первый взгляд, они разнопорядковы и имеют разную значимость. В культурно-символическом аспекте пола содержатся скрытые ценностные ориентации и установки, сформированные таким образом, что всё, определяемое как «мужское», считается позитивным, значимым и доминирующим, а определяемое как «женское» - негативным, вторичным и субординируемым.

В итоге, делается вывод о том, что с культурологической точки зрения, гендер можно определить как систему взаимоотношений между полами, созданную на основе культурных конструктов, и проявляющую себя в социальном бытии (в отличие от естественно-природных взаимоотношений). Автор отмечает операциональность гендерной модели историко-культурного анализа, разработанной Дж. Скотт, содержащей характеристики всех возможных измерений социума: системно-структурного, социокультурного, индивидуально-личностного и др. Развёртывание этой модели во временной длительности позволяет реконструировать историческую динамику гендерных изменений.

Исходя из того, что в современной науке выделяют несколько основных аспектов определения пола человека, охватывающего собой предметы различных дисциплин: 1) генетический пол (генотип); 2) гонадный (истинный) пол; 3) гаметный пол; 4) гормональный пол; 5) морфологический (соматический) внутренний и внешний пол; 6) аскриптивный (гражданский, паспортный) пол; 7) пол воспитания; 8) пубертатный пол; 9) психический пол (половое самосознание); 10) социальный пол, обосновывается целесообразность использования дисциплинарных (лингвистического, демографического, психологического, сексологического, социологического) и комплексных (религиоведческого, феминистического, гендерологического) подходов к анализу феномена феминности в системе культурологического исследования культуры эпохи Средневековья.

Второй параграф «Источниковедческая база анализа женского аспекта культуры Византии и Древней Руси» посвящен выявлению круга нарративных источников и определению уровня их репрезентативности в отношении изучаемой темы. Поиск релевантных источников исследования проводился среди религиозных текстов и правовых документов, а также философских и художественных произведений, исторических сочинений, отражающих представления о женщинах, характерные для византийской и древнерусской культур.

Автором предлагается и обосновывается модель анализа текстов, позволяющая реконструировать образ женственности в православной культуре Средневековья. Данный анализ строится на исследовании линий взаимоотношений, в которых участвовала женщина в реальной жизни. С точки зрения диссертанта, главнейшими из них являются линии отношений «женщина - мужчина», «женщина - ребёнок», «женщина - Бог».

Проведённые изыскания позволили выделить три группы источников.

Первая группа включает Священное Писание (Библия) и Священное Предание как основополагающие источники формирования и развития православной культуры.

Вторая группа содержит правовые источники. Система внешних регулятивов наиболее ярко проявляет себя в юридической практике, отражающейся в законодательстве. Таким образом, право представляется технологией (вос)производства стереотипов и категорий, в том числе и гендерных. Анализ положений нормативных актов очерчивает круг дозволенного и девиантного, одобряемого и порицаемого поведения. Особенно это проявляет себя в памятниках канонического права. Церковные правила касаются не только членов клира, они всеохватны в условиях Средневековья и, с одной стороны, регулируют отношения между полами, а с другой - выражают особенности православного отношения к полу. Автор доказывает, что одновременное сосуществование и взаимодополнение двух правовых систем (светское и каноническое право) регламентировало жизнедеятельность индивидов, обеспечивало следование образцам предписываемого поведения. Но церковные нормы, в от-

личие от светских, приобретали со временем форму внутреннего поведенческого регулятива.

В работе обосновывается недостаточность исследования только нормативных документов для реконструкции представлений о женственности, бытовавших в условиях православного Средневековья.

Поэтому третью группу источников составляют произведения церковной нравоучительной, агиографической и светской литературы Византии и средневековой Руси. В работе доказывается, что именно житийная литература, во-первых, выполняет очевидную дидактическую функцию, следовательно, расширяет представление о видении женственности глазами средневековых книжников, во-вторых, имеет широкий социально-пространственный охват, таким образом, документируя специфику быта различных слоев населения, в-третьих, отражает, создает и тиражирует идеалы и антиидеалы женственности в культуре Византии и Древней Руси. Диссертант полагает, что в средневековой словесности не существовало четкой границы между литературой исключительно религиозной и сугубо светской. С учётом этого к исследованию привлекаются не только агиографические тексты, но и литературно-художественные, философские, назидательные и исторические произведения.

Таким образом, источниковая база стала содержательной основой раскрытия специфики «гендерного дисплея» (И. Гофман) эпохи Средневековья, и позволила реконструировать феминный аспект культуры Византии и Древней Руси.

Вторая глава «Реконструкция феминного аспекта культуры Византии и Древней Руси» посвящена воссозданию типологических и системообразующих признаков феномена женственности в культуре средневекового общества, на основании чего автор выделяется два контраверзных образа женщины в восточно-христианской традиции. Диссертант доказывает, что именно полярные модели восприятия феминности становятся опорными точками для описания женственности, поскольку внутри идеала и антиидеала вырабатывались собственные шаблонированные варианты представлений о женщине.

В первом параграфе «Репрезентации моделей феминности в правовой культуре традиционного общества (VI-XVII вв.)» содержатся результаты анализа византийских и древнерусских законодательных актов в соответствии с поставленными задачами.

Автор приходит к выводу, что церковь, которая воспитывала, регламентировала и контролировала отношения внутри паствы за счет внедрения комплекса морально-этических постулатов, четко определяющих одобряемые и порицаемые траектории поведения индивида, в огромной степени влияла на законодательство именно в плане определения поведения и статуса женщины.

В рамках исследования линии «женщина - Бог» автор выделяет модель «Христовой невесты» - женщины, посвятившей себя религиозному служению. Естественно, что на нее налагались строгие запреты и ограничения, поскольку образ монахини представлял собой одно из воплощений женского аскетического идеала.

Уход из мира определял сознательный отказ от всех отношений за пределами обители. Это регулировалось рядом норм, начиная с апостольских правил и правил Василия Великого до Кормчей, которые категорически заявляли о недопустимости брака с инокиней. Таким образом, все иные линии отношений оказывались для монахинь под запретом. Вся ее жизнь должна была быть подчинена только одному – служению Богу.

Опасаясь неформальных контактов монахинь, Церковь усиливала внутренний надзор в общине. Регламентация внутримонастырской жизни достигается с помощью уставов (типиконов), в которых содержались правила жизни, задающие образцы поведения и отношений для сестёр той или иной обители. В результате, инокиня, вынужденная соответствовать своему статусу, находилась как бы в «тройном охвате» предписаний, и, соответственно, контроля над их исполнением – со стороны канонических правил, устава монастыря и самой монастырской общины.

Автор отмечает, что источники отражают очевидное стремление, проявленное, прежде всего, в каноническом праве, максимально детализировать поведение представителей разных полов в общении друг с другом («женщина – мужчина»), с целью сократить

не только сами по себе сексуальные контакты, но и даже возможный сексуальный интерес. Безусловно, осуждалось желание людей (и особенно женщин) украсить себя.

Ранневизантийские законодатели демонстрировали сугубо отрицательное отношение к открытому проявлению сексуальности, о чем свидетельствуют используемые формулировки (например, «женщины, живущие постыдно»).

В борьбе за чистоту нравов Церковь и государство действовали в одном направлении – укрепления и сохранения брака. Анализ правовых актов, связанных с запретом на заключение брака, в первую очередь, в священнической среде, позволили автору увидеть, какого рода женщины представлялись Церкви «отверженными» от брака.

В работе доказывается, что вместе с тем в византийской и русской средневековой культуре явно прослеживается тенденция защиты чести женщины, поскольку в каноническом и светском праве прелюбодеяние, совершенное в результате насилия, не считалось изменой.

Особое внимание уделяется в этом разделе работы линии отношений «женщина – ребёнок». Делается вывод о том, что эти отношения в средневековой культуре рассматривались только в контексте крепкой, устойчивой семьи. Анализ правовых актов, связанных с детоубийством («вытравлением плода», «оставлением ребенка»), приводит диссертанта к заключению об исключительной ответственности женщины за данные порицаемые действия.

В результате проведенного исследования автор утверждает, что репрезентация феминности в правовой культуре Византии и Древней Руси определяется тем, какой социальный статус имеет женщина - «монашенка», «женщина–супруга» («женщина–вдовица») и «женщина–мать». В соответствии с этим регулируется ее поведение и определяется её морально-физический облик.

Во втором параграфе «Женская святость как идеал феминности восточнохристианской традиции» рассмотрены существенные черты христианской подвижницы, которые легли в основу женского идеала.

Диссертант отмечает, что агиографическая литература, представляя образцы для подражания и модели одобряемого поведения, основывалась на традициях Священного Писания в отношении к мужчине и женщине. Безусловно, важнейшую роль при этом играл культ Богородицы. Самим положением Богородицы в культурном пространстве определен идеальный облик святой и идеальная модель ее отношения к миру, в связи с чем в житиях зачастую теряется индивидуальность в описании черт характера и жизненных коллизий святой.

Основываясь на результатах анализа источников и научной литературы, диссертант выделяет три главных варианта модели женской святости.

Первая - «раскаявшаяся блудница», когда превращение грешницы в праведницу происходит внезапно (жития Марии Египетской и Пелагии), а осознание собственной греховности и воплощение уже в новом, диаметрально противоположном образе сопровождается отказом от своего пола. Избавление от биологической предопределенности, от женственности, жесточайший аскетизм, должны были обеспечить наиболее полное раскаяние грешниц и их прощение, движение по пути от антиидеала к идеалу. Этот вариант не встречается в русской житийной литературе. Мотив женско-мужской травестики является массовым в византийских житиях: отказ от собственной биологической принадлежности выступает не только видом раскаяния, но и уловкой, хитростью для обеспечения чистоты ради служения Господу.

Вторая - «святые девы», для которых характерно постулирование в качестве основополагающих ценностей целомудрия, воздержания, отказа от мира вообще и, в частности, от брака как от символов скоротечности и тленности земного бытия, в пользу вечной радости.

Третья - «святые жёны» - верные, мудрые и любящие жёны. Репрезентация этого варианта идеальной модели феминности подтверждает, что церковь признает ценность и нерушимость брачных уз, а наличие семьи и детей не является непреодолимой преградой на пути земной женщины к Богу. В отличие от византийских святых, большинство русских находились в браке. Кажущееся проти-

воречие в христианской догматике между целомудрием и браком преодолевается несколькими путями – вдовство, обращение к иночеству, жертвенность, переход к целомудренному браку.

Рассмотрение специфики вариантов моделей приводит к выводу о том, что если «раскаявшиеся блудницы» проходят путь к святости через аскезу и очищение, «святые девы» достигают своей близости к божественному посредством целомудрия, воздержания и праведности, то «святые жены» признаются таковыми, в первую очередь, на основании богоугодной деятельности. Активное подвижничество реализуется посредством разнообразных форм: миссионерство (княгиня Ольга), строительство приходов, основание и управление монастырями (Евфросиния Полоцкая, Анна Кашинская, Евфросиния Московская), обращение в монашество мирян (Евфросиния Полоцкая, Евфросиния Суздальская), просветительство, милосердие и др.

Напряженная и эмоционально насыщенная связь «женщина – Бог» представляется сущностной характеристикой женской святости в православной культуре. По мнению диссертанта, в византийской культуре святость носит «интровертный» характер (самоуглубленность, раскаяние – собственное спасение), отечественная модификация святости отличается «экстравертностью», поскольку собственное спасение и приближение к Абсолюту достигается путем спасения многих. Любовь к ближнему – необходимое дополнение любви к Богу. В своём стремлении помочь людям героини древнерусских житийных произведений выходят за рамки монастырской жизни в публичную сферу.

Исходя из анализа религиозных текстов, автор полагает, что они отражают некую «предписанную реальность», задающую идеальные образцы православной феминности.

В третьем параграфе **«Модель антиидеала женственности эпохи византийского и русского Средневековья»** исследуются проявления негативной, порицаемой феминности.

Изучение противостояния между идеалом и антиидеалом женственности предполагает анализ ряда характеристик, таких как: духовное – плотское, возвышенное – низменное, доброе – злое, че-

ственное – лживое, добродетельное – порочное, прекрасное – безобразное (отвратительное, омерзительное).

На основе анализа источников диссертант показывает, что при создании женского антиидеала средневековые авторы постоянно обращаются к богатству библейской истории, наполненной свидетельствами женских пороков. В византийской культуре «теневая сторона» линии «женщина – Бог» связана с обличением ереси иконоборчества.

Опираясь на средневековые тексты, автор доказывает, что в древнерусской культуре существовал оппозиционный идеалу женской святости образ «баб богомерзких» - колдуний, ведьм и знахарок как хранительниц языческих верований и обрядов. Сфера их деятельности охватывала преимущественно поле «женских интересов» - дом, любовь и здоровье. В литературных памятниках они выступают в качестве «потворщиц греха». В связи с этим особое внимание уделялось последовательной работе церкви со «служанками дьявола» не только с помощью силовых мер, но и посредством укоренения практики исповеди и покаянной дисциплины в культуре повседневности традиционного общества. Религиозная литература даёт множество примеров противопоставления «баб–идоломолиц» и женщин-святых, олицетворяющих христианские добродетели.

В анализе вопроса о природе женского антиидеала автор отталкивается от средневековой литературы, где «злая жена» сравнивается либо со стихией, либо с болезнью и отравой, либо с дьявольским инструментом, так как природа греха, в соответствии с православной картиной мира, противоестественна и разрушительна. Доказывается, что византийская традиция рассуждений о «женской грешности» нашла свое продолжение в древнерусской культуре: «...злая жена - горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает» («Моление Даниила Заточника»).

В «фаллократической» культуре презентация женской сексуальности воспринимается мужчинами как дьявольская уловка, совращающая с пути истинного добрых христиан.

В этом разделе работы рассматриваются и качества, характеризующих «злых жён»: лень, хитрость («Хитрая женщина – язва

сердца», Изборник (1076 г.)), скандальность, обман, коварство, мстительность и т.п.

Основываясь на анализе разнообразных письменных источников, диссертант приходит к выводу, что существует сходство между технологиями конструирования женского идеала и анти-идеала в православном культурном поле. Сами модели полярны, шаблонированы, практически лишены индивидуальных характеристик, описание их неизменно на протяжении столетий.

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования, обобщены его результаты, сделаны выводы и обозначены его перспективы.

Основные результаты диссертационного исследования изложены в публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определённых ВАК:

1. Бармина, В. Э. Византийская правовая культура. Опыт гендерного анализа / В. Э. Бармина // Известия Уральского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». - 2006. № 47. Вып. 12. - С. 6-13. – 0,4 п.л.
2. Бармина, В. Э. Модели идеальных женских образов в православной культуре IX-XVII веков / В. Э. Бармина // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия «Философия. Социология. Культурология». - 2008. № 32 (133). Вып. 1. - С. 74-79. – 0,4 п.л.

Статьи и тезисы, опубликованные в других научных изданиях:

3. Бармина, В. Э. Изучение социально-правовых истоков женской эмансипации / В. Э. Бармина // Третьи Уральские историко-педагогические чтения / Отв. ред. Г. Е. Корнилов. – Екатеринбург: УрГПУ, Банк культурной информации, 1999. - С. 269-270. – 0,2 п.л.
4. Бармина, В. Э. «Восхождение» к женщине: от феминизма к гендерологии / В. Э. Бармина // Социальные инновации: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. И. Забара, И. Е. Левченко. – Екатеринбург: УИСО, 2006. Вып. 2. - С. 5-12. – 0,4 п.л.
5. Бармина, В. Э. Гендер – социум – культура – история / В. Э. Бармина // Уральская семья: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Ф. Красно-

- пёров, И. Е. Левченко. – Екатеринбург: УИСО, 2006. Вып. 1. - С. 30-41. – 0,7 п.л.
6. Бармина, В. Э. Гендер как категория социокультурного анализа / В. Э. Бармина // Гуманитарное образование в современном российском вузе: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – С. 20-22. – 0,2 п.л.
7. Бармина, В. Э. Становление и развитие феминистических исследований / В. Э. Бармина // Уральская семья: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И. Е. Левченко, М. Ф. Черкасова. – Екатеринбург: УИСО, 2008. Вып. 3. - С. 33-40. – 0,4 п.л.
8. Бармина, В. Э. Феномен феминности (опыт культурфилософского осмысления) / В. Э. Бармина // Социосфера: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И. Е. Левченко, М. Ф. Черкасова. – Екатеринбург: УИСО, 2009. Вып. 6. - С. 68-80. – 0,7 п.л.
9. Бармина, В. Э. Феномен женственности (социокультурный анализ) / В. Э. Бармина // Уральская семья: Сб. науч. тр. / Отв. ред. И. Е. Левченко, М. Ф. Черкасова. – Екатеринбург: УИСО, 2009. Вып. 4. - С. 21-34. – 0,8 п.л.

Подписано в печать 3.11.2009. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура Times New Roman
Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 12.
Отпечатано в копи-центре Уральского института социального образования.
620039, г. Екатеринбург, ул. Донбасская, 8, к. 700.

